

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. Политика памяти и мемориальная культура современного Йемена // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.75937 EDN: GCGSHB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75937

Политика памяти и мемориальная культура современного Йемена

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: 0000-0003-3819-3103

доктор исторических наук

доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; Воронежский государственный университет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksym_kyrchanoff@hotmail.com

[Статья из рубрики "Историческое время и пространство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.75937

EDN:

GCGSHB

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2025

Аннотация: Автор в представленной статье анализирует особенности и направления развития исторической политики как войн памяти в современных конфликтных обществах Ближнего Востока в контекстах Йемена. Предполагается, что конфликт в Йемене не только стимулируется социальными, политическими и экономическими причинами, но и противоречиями, основанными на взаимоисключающих представлениях о прошлом. Автор показывает, что войны памяти характерны как для отношений между странами региона, так и для отдельных обществ, включая современный Йемен. Поэтому предметом исследования является мемориальная культура Йемена, которая анализируется через призму процессов неполного формирования политических и государственных институтов. Автор полагает, что именно эти политические особенности определили основные векторы и траектории развития мемориальной культуры и исторической политики в Йемене. Методологически статья основана на

междисциплинарной историографии исторической памяти и исторической политики. Новизна исследования состоит в сравнительном изучении войн памяти как фактора развития исторической политики и мемориальных культур в современных политически нестабильных и неустойчивых обществах Северной Африки и Ближнего Востока. В статье показано, что 1) различные видения и версии истории и прошлого Йемена стимулируют политические конфликты, 2) политические элиты Йемена вовлечены в процесс манипуляции с историей, что стимулирует инструментализацию прошлого, превращая его в политический ресурс, 3) войны памяти в Йемене стимулируют национализацию истории. Предполагается, что процессы строительства государство-нации в Йемене не завершены, что вынуждает правящие политические элиты использовать символический потенциал истории как мобилизационного ресурса. Показано, что история стала символическим полем битвы, в войны памяти стали универсальной формой развития мемориальных культур. Автор полагает, что 1) элиты активно используют символические ресурсы истории и продолжат эту политику в ближайшей хронологической перспективе, 2) гипотетически военно-политические конфликты могут быть урегулированы, что превратит историю в поле битвы, так как противоречия не могут быть преодолены полностью, 3) войны памяти могут стать универсальной формой внутренней и внешней коммуникации конфликтных обществ.

Ключевые слова:

Ближний Восток, Йемен, конфликты, политика прошлого, историческая политика, историческая память, мемориальная культура, национализм, ислам, войны памяти

Введение

В современной историографии регион Ближнего Востока нередко описывается в категориях конфликтности. Действительно, на территории современного Ближнего Востока имеется несколько незавершенных конфликтов. Проблемной страной является Сирия, фактически охваченная гражданской войной, отягощенной политическими, социальными, экономическими религиозными противоречиями. В результате свержения в 2011 г. Муаммара Каддафи Ливия перестает существовать как единое государство, а ливийское общество оказывается втянутым в затяжной конфликт. На протяжении 2023 – 2024 гг. резко обострился арабско-израильский конфликт, который перерастает в полномасштабное региональное противостояние. Военная операция Израиля перенесена на территорию Ливана, что ставит под сомнение само существование ливанской государственности.

На территории Йемена продолжается гражданский конфликт между шиитскими группировками хуситов и правительственными войсками, отягощенный многочисленными политическими, социальными и экономическими противоречиями, вовлеченных в него акторов. Одним из факторов, который стимулирует гражданский конфликт, является историческая память, точнее – деформации и диспропорции в ее развитии, которые возникли на протяжении предшествующих десятилетий, когда стране не только оказалась фактически разделенной на два государства, но политические элиты выстраивали такую модель развития, которая соотносилась с их узкими клановыми интересами, что неизбежно стимулировало кризисные тенденции. Воздействие последних могло оказаться менее деструктивным, если бы элиты уделяли больше внимания развитию йеменской идентичности и коллективной исторической памяти как одной из ее основ.

Цель и задачи

В центре авторского внимания в представленной статье будет мемориальная перспектива современных конфликтов на территории Ближнего Востока. Целью статьи является анализ того, как коллективная историческая память Йемена развивается в конфликтном обществе. В число задач автора статьи входит 1) изучение особенностей войн памяти в Йемене, 2) выявление и уточнения состава акторов и институций вовлеченных в мемориальные конфликты, 3) анализ перспектив перетекания и трансформации конфликтов из «горячей» фазы в направлении формально более спокойной и умеренной стадии, которая условно может быть определена как «мемориальная конфронтация» или «войны памяти».

Методология

Методологически представленная статья основана на достижениях междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении и анализе исторической памяти и исторической политики [15]. Используя достижения современной историографии, полученные в рамках мемориального поворота, автор проанализирует, как коллективная историческая память влияет на генезис, протекания и возможные перспективы урегулирования региональных конфликтов на территории региона [8]. Предполагается, что историческая политика представляет собой совокупность мер и методов, которые используются правящими политическими элитами для формирования тех или иных представлений о прошлом в рамках национальных, политических и гражданских идентичностей, которые в наибольшей степени соответствуют политическим интересам правящих групп. В этой ситуации историческая политика не тождественна, но оппозиционна и альтернативна академической историографии.

Таким образом, историческая политика ведет к институционализации наций как воображаемых сообществ, а история в рамках подобной логики редуцируется до одной из многочисленных изобретенных культурных политических или интеллектуальных традиций. В целом, развитие исследований коллективной памяти стало следствием трансформации подходов, используемых историками. Поэтому, как полагает французский историк Ф. Досс, «совершившийся в последнее время интерпретационный поворот дает возможность исследователям не ограничивать себя ложной альтернативой между ориентированной на монокausalную схему научностью и эстетизирующими отклонением от нее» [1. С. 27].

В такой ситуации, исследования памяти в методологическом плане компромиссны, так как, учитывая достижения современной междисциплинарной исторической науки, они не подвергают радикальной ревизии и значение изучения нарративов как основных источников представлений о прошлом. В подобной историографии, как правило, подчеркивается инструменталистская функция исторической политики, так как история в рамках идеологически мотивированных манипуляций превращается в достаточно эффективный мобилизационный ресурс, который активно используется для решения политических задач.

Мемориальная культура Йемена

Специфика коллективной исторической памяти в Йемене состоит в ее гетерогенности.

Истоки множественности и разнообразия мемориальных культур мы можем найти в политическом опыте страны второй половины XX века, когда Йемен фактически был разделена на два государства. Вместе с тем, йеменская мемориальная культура самым тесным образом связана с институтами и отношениями, которые сложились в обществе. В этом контексте Йемен, в отличие от других стран региона, был в большей степени склонен уважать и акцентировать внимание на культурном и этническом разнообразии [4]. Когда мы анализируем память Йемена, во внимание следует принимать ее внутреннюю фрагментацию. Если города в большей степени были склонны к ассимиляции западной модели политического проведения и, как результат, исторической памяти, основанной на трансплантации в йеменские реальности западной моды, кино и музыки, то сельская, то есть аграрная, местность, как внутренняя периферия, в большей степени сохраняла свою идентичность, которая исторически восходила к традиционным арабским институтам, что вело к фрагментации не только политической культуры, но и памяти.

Мемориальная культура в целом и историческая память как ее социальная и культурная производная на территории Йемена находится под угрозой уничтожения, так как материальные формы и проявления памяти и представлений о прошлом подвергаются намеренному уничтожению в рамках военного конфликта противоборствующими сторонами [6]. В результате йеменское общество оказалось более фрагментированным, что привело к параллельному соразвитию различных форм коллективной исторической памяти. Вместе с тем различные участники конфликта предлагают фактически взаимоисключающие взгляды на прошлое страны. В такой ситуации история оказалась чрезвычайно зависимой от политической сферы, со стороны которой идут инициативы по идеологизации прошлого.

Случай Йемена демонстрирует уникальный пример развития коллективной мемориальной культуры, так как регион на протяжении длительного времени был разделен не только на два государства, существование которых было отягощено идеологическими и политическими противоречиями, но и обладал древним историческим наследием. В такой ситуации апелляция к опыту XX века остается фактически и идеологической, и политической формой проработки прошлого. Такие стратегии и формы ведения политики памяти не могли содействовать консолидации йеменского общества, и в этой ситуации центральными моментами в развитии мемориальной культуры стали попытки актуализации древнего исторического наследия. Последние, правда, имели крайне ограниченный эффект, так как древнее прошлое оказалось не в состоянии конкурировать с вызовами светских идеологий и политического ислама.

Анализируя йеменскую модель развития мемориальной культуры, во внимание следует принимать роль идеологических факторов. С одной стороны основой консолидации йеменского общества на протяжении длительного времени оставался ислам [5]. В силу того, что практически для всех социумов характерно «общественное взаимодействие с прошлым», а в ряде обществ «идентичности конструируются таким образом, что религия определяет самосознание» [14], политический ислам стал стимулом для консолидации йеменского социума, но в условиях его политической и идеологической фрагментации, с другой стороны, общество во второй половине XX века оказалось подверженным идеологический и политический фрагментации, что было связано с разделением государства на Северный Южный Йемен [7]. В этой ситуации такие идеологии как национализм и исламизм содействовали дальнейшей фрагментации мемориальной культуры и коллективной исторической памяти на территории Йемена. Вместе с тем, подобная гетерогенизация мемориальной культуры в значительной степени была

следствием воздействия идеологических противоречий, хотя сохранялись и формальные основания для консолидации мемориальной культуры, так как с этнической и языковой точки зрения Йемен в большей или меньшей степени сохранил свое единство, а линии раскола, в том числе и на мемориальном уровне, имели политические основания.

(Не)институционализированная память

Историческая память в Йемене бывает отягощена незавершенными процессами конструирования и воображения современного государства и нации [13]. Поэтому в таких обществах «представления о прошлом часто представляют собой монолитные интерпретации истории, которые не учитывают сложные вопросы, связанные с множественной историей» [3]. В такой ситуации политическая и идеологическая основа конструирования и создания государства была отягощена противоречиями, возникшими в результате разделения Йемена на Северный и Южный. Кроме этого, во внимание следует принимать и фактор трайбализма, сохранение различных архаичных и ранних племенных институтций и отношений, унаследованных от предшествующего этапа в истории Йемена, которые также оказывали самое существенное влияние на развитие мемориальной культуры исторической памяти в стране [12]. Как результат, в Йемене сложилась ситуация, основанная на сложности локализации и картирования коллективной исторической памяти, так как границы между Северным и Южным Йеменом оказались не более чем политическими фронтирами и достаточно размытыми границами, которые не отражали реальные политически идеологические противоречия в рамках развития мемориальной культуры. В такой ситуации развитие исторической коллективной памяти оказалось зависимо от внешней, политической и идеологической, конъюнктуры.

Особенностью развития исторической политики Йемена является то, что в стране отсутствуют специализированные институции памяти. Основными агентами и акторами исторической политики становятся политические элиты. В этой ситуации история подвергается значительной инструментализации, разрыв между исторической наукой и исторической политикой постоянно растет, что фактически создает условия, благоприятные для превращения истории в ресурс политической мобилизации и легитимации правящего режима. Именно поэтому элиты стали теми группами, которые вспоминают и конструируют образы прошлого, не допуская до формирования коллективной памяти других агентов. Историческая политика и связанная с ней мемориальная культура в современной Йемене подвержена значительной монополизации и, поэтому, крайне сложно прогнозировать изменения сложившейся ситуации.

Конфликтная память

Современная мемориальная ситуация в Йемене может быть охарактеризована не только в категориях конфликта, но и описана через призму попыток конструирования компромиссной национальной памяти, которая объединила бы локализованные версии исторической памяти Северного и Южного Йемена [16]. Ситуация отягощена и тем, что политические элиты Севера и Юга были в различной степени готовы к объединению. В результате элиты, как агенты памяти, на территории Южного Йемена периодически пытаются поставить под сомнение сам факт объединения страны, выдвигая и продвигая альтернативные версии коллективной исторической памяти, основанные на

последовательной фрагментации йеменского исторического опыта.

Несмотря на сохранение региональных противоречий и одновременное софункционирование и соразвитие южной и северной версии исторической памяти [10], в современном Йемене, тем не менее, имеет место тенденция к унификации исторической памяти и формированию относительно единой гомогенной мемориальной культуры, в основе которой лежит попытка воображение и изобретения Йемена а качестве единой политической нации. Вместе с тем, во внимание следует принимать, что подобная попытка является не самый успешной, так как вынуждена конкурировать как с региональными версиями исторической памяти, так и с другими альтернативами, представленными, в первую очередь, исламом.

Йеменская модель исторической памяти отягощена идеологическими противоречиями, восходящими к революции 1962 года, то есть к моменту, когда революционные элиты попытались создать современное государство и связанную с ним нацию. Вместе с тем последующие попытки унификации политического пространства не увенчались успехом, а, наоборот, усугубили фрагментацию не только в политическом и идеологическом, но и в мемориальном плане, так как разные идеологии различно использовали прошлое [12]. На протяжении первой четверти 21 века на территории Йемена существуют и соразвиваются различные формы коллективной исторические памяти.

Центральным пунктом, который содействует разделению между различными версиями прошлого в мемориальной культуре, является восприятие событий 1962 года. Йеменское общество оказалось не в состоянии преодолеть революционное радикальное наследие, отягощенное политически и идеологически мотивированным террором. В такой ситуации Йемен продолжает оставаться идеологически и мемориально фрагментированным и разделенным социумом. Как следствие, различные политические акторы, представленные, с одной стороны, правительством, а, с другой, разного рода политическими элитами, а также племенными объединениями, смогли актуализировать и визуализировать свои собственные коллективные исторические памяти, которые стимулировали дальнейшую фрагментацию общества, содействуя его расколу в результате продолжающегося конфликта в форме гражданской войны.

Акторы памяти

Исторический опыт Йемена на протяжении XX века содействовал тому, что к 2024 г. коллективная историческая память подверглась значительный интернационализации. Принимая во внимание то, что в XX столетии Йемен был пространством приложения западной колониальной модели (хотя в меньшей степени, чем в других регионах), Йемен стал страной-жертвой. Именно такой опыт содействует тому, что идентичность в значительной степени основана на социальных чувствах и принципах, так как «коллективная память является частью важнейших социальных проблем» [9. Р. 174]. Йеменские политические элиты и агенты политики исторической памяти склонны проявлять определенную солидарность в отношении палестинцев, которые борются против израильского сионизма, ставящего под сомнение само существование палестинского государства в политической сфере. В этом контексте, при помощи палестинских нарративов, в йеменском историческом воображении актуализируется такое качество исторической памяти как транснациональность.

Поэтому в 2024 г. в Йемене сложилась уникальная мемориальная культура. В рамках йеменского видения прошлого историческая память представляет собой не просто набор

исторических фактов и событий, но является глубоко личной и часто эмоциональной формой переосмысления коллективного исторического опыта [17]. Именно через подобные рефлексии современные йеменцы конструирует и позиционирует себя одновременно в качестве политической и этнической нации. В такой ситуации история и представления о прошлом неизбежно подвергаются интеграции в число методов элит, что ведет к инструментализации истории [2], хотя последняя стала общим местом в политиках памяти в независимости от страны, внутренних и внешних условий проведения исторической политики. Поэтому стала возможной инструментализации истории, в рамках которой общее прошлое йеменской политической нации, разделенной идеологическими и политическими противоречиями, не только воображается, но и ведет к инструментализации истории, так как лозунги социальной справедливости и сострадания заняли одно из центральных мест в мемориальной культуре, основанной в одинаковой степени как на идеях суверенитета, так и на неприятии внешней агрессии и угнетения, так как Йемен в XX веке получил опыт объективации в рамках чужих памятей и мемориальных культур.

В сложившейся ситуации основными агентами исторической политики и проведения политики коллективной памяти оказываются не политические элиты, а гражданские активисты. Последние объединены, например, вокруг известного в стране Форума мира, который периодически организует дебаты и дискуссии относительно сохранение коллективной исторической памяти. Подобные дебаты имеют, как правило, два измерения. С одной стороны, речь идет о сохранении конкретного материального исторического наследия, а, с другой, о консолидации йеменской идентичности, основанной на общей коллективной исторической памяти как страны-жертвы. Последствия и результаты подобных инициатив в значительной степени различны, но, как правило, они слабо коррелируются с актуальной политической и идеологической ситуацией, потому что не общественные активисты, но политические элиты, генетически восходящие к правящим группам как северного, так и южного Йемена, определяют основные траектории развития коллективной исторической памяти.

Мемориальные конфликты

Современный политический конфликт на территории Йемена, который вылился фактически в гражданскую войну, является результатом попытки пересмотреть сложившуюся мемориальную культуру. К 2010-м гг. политические лидеры как Севера, так и Юга пытались поставить под сомнение память о результатах революции 1962 г., что в значительной степени углубило раскол и фрагментацию социума, так как «у всех обществ есть свои версии прошлого, которые можно использовать для поддержки или подрыва современных убеждений и политики» [11]. В результате мемориальный конфликт перерос в горячую стадию, что привело к началу гражданской войны, отягощенной не просто политическими и религиозными противоречиями, но и наличием различных мемориальных культур, а также неготовностью Севера и Юга функционировать в рамках единого государства, так как регионы оказались в значительной степени подготовленными к сохранению своих отдельных форм коллективной памяти и исторического опыта, нежели к реинтеграции последнего в систему ценностей единой политической нации-государства.

Память на территории Йемена отягощена не только мемориальными войнами и конфликтами, в основе которых лежат идеологические противоречия. Не менее важную

роль в фрагментации коллективной памяти играет религиозный фактор, связанный с активностью хуситов. Этот фактор в значительной степени пересекается с наличием региональных диспропорций в уровнях развития как северного, так и южного Йемена. Как следствие, коллективная историческая память, начиная с середины 1960-х гг. в значительной степени оказалось зависимой не просто от ценностей и принципов политического ислама или светских правых или левых политических идеологий, но и от племенных норм, которые в значительной степени определяют основные траектории развития коллективной мемориальной культуры в регионе. Именно племенные нормы памяти о племенном, но не социальном и классовом, разделении йеменского общества в прошлом содействуют постепенной фрагментации социума на современном этапе, определяя основные векторы и линии разграничения между как политическими группами, так и различными версиями коллективного исторического прошлого.

Векторы и траектории развития коллективной исторической памяти в Йемене определялись разными идеологическими факторами, связанными, как правило, с внешними влияниями. Революция 1962 г. не только положила конец религиозной династии и монархии, но и фактически спровоцировала идеологический и политический раскол между роялистами и сторонниками и приверженцами новой республики. Вместе с тем, во внимание следует принимать маргинальность йеменской ситуации, так как конфликт в этой стране между идеологическими интересами Соединенных Штатов и Советского Союза слабо коррелировался с политическими противоречиями между арабскими монархиями во главе с Саудовской Аравией и арабскими националистами во главе с Египтом. В такой исторической память Йемена оказалось маргинализированным случаем развития периферийной арабской исторической памяти.

Виктимизация памяти

В йеменской мемориальной культуре сложилась устойчивая традиция виктимизации собственного исторического опыта, так как в прошлом Йемен неоднократно становился объектом агрессии со стороны других держав. Таким образом Йемен исторически был жертвой внешних колониальных инициатив и вмешательство. Именно внешние силы стремились определить основные векторы и траектории развития Йеменской государственности. В такой ситуации восприятие коллективного прошлого не только подвержено значительной идеологизации и политизации, но также развивается в рамках попыток последовательной суверенизации исторического прошлого, его отделения как от общего рабского контекста, так и исторического опыта западных стран, которые в йеменском историческом воображении и коллективной памяти ассоциируются с колониализмом.

Мемориальная конфронтация в Йемене фактически не только превратила страну в несостоявшееся государство, но и привела к политической и территориальной фрагментации его территории по принципу севера и юга. Таким образом фактически произошло восстановление разделения и раскола на Северный и Южный Йемен. Если хуситы сначала контролировали северо-запад, а позднее и весь Север, то их оппоненты контролировали южные регионы. Подобное разделение, институционализированное повторно, актуализировало то, что в Йемене не сложилась единая политическая нация-государство и, как следствие, государственность легко распалась в результате не просто политических противоречий между различными регионами, но следствии мемориального раскола, что вылилось в гражданский конфликт как войну памятей.

Таким образом, вместо консолидированной памяти нации-государства на территории

Йемена параллельно и одновременно сосуществуют соразвиваются несколько различных исторических памятей. Поэтому история Йемена это не просто одна национальная или государственная история, но совокупность различных историй, отягощенных процессами регионализации. Национальная историческая память – это не просто единая память, но множественные памяти и связанные с ними мемориальные культуры, которые развиваются как комплекс различных памятей, основанных на разных диаметрально противоположных взаимоисключающих друг друга мемориальных культур и памятей.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с войнами памяти в регионе Ближнего Востока в контекстах Йемена. На современном этапе конфликты в регионе пребывают в горячей стадии, так как Йемен охвачен военными действиями, в которые вовлечен широких круг внутренних и внешних акторов. Между тем, эти военно-политические противоречия стимулируются различными версиями, видениями и прочтениями коллективного и общего прошлого. В такой ситуации история, коллективные представления о прошлом в различных государствах региона превращаются в символическое поле битвы и противостояния между различными акторами, вовлеченными в политические и военные конфликты в регионе.

В подобной ситуации история подвергается активной манипуляции и инструментализации, что создает условия для ее превращение в относительно эффективный мобилизационный ресурс, который используется правящими политическими элитами для легитимации как их пребывания у власти, так и оправдания активных действий, направленных против их оппонентов в том числе и в условиях современных военно-политических конфликтов. В такой ситуации история редуцируется до оправдания политического насилия при помощи символического ресурса прошлого. В свою очередь формально общее прошлое активно используется фактически для национализации истории, превращаясь в ресурс информационной войны, оправдания ведения военных действий. Поэтому история активно используется в политических противоречиях между государствами региона, так как национальное государство в полной степени на Ближнем Востоке не сложилось, и, поэтому, отсутствуют гражданские и политические институты, которые могли бы урегулировать конфликт.

В такой ситуации элиты вынуждены прибегать к символическому ресурсу истории, что углубляет конфронтацию. Гипотетически мы можем предположить, что военно-политические конфликты рано или поздно будут урегулированы, но конфликтный потенциал сохраниться. Военно-политический конфликт может перейти в иную форму, представленную мемориальными войнами или войнами памяти, которые также являются конфликтом, отличаясь от имеющих место на современном этапе конфликтных ситуаций отсутствием реальных военных действий. Вместе с тем, не представляется возможным исключать, что в случае мутации конфликта в направлении «войн памяти» различные видения прошлого и склонность элит к инструменталистскому применению прошлого путем национализации истории не станут стимулами для нового обострения, что приведет к другим конфликтам, которые будут легитимироваться апелляциями к историческому опыту, а память окажется в центре интерпретационной модели объяснения военно-политического противостояния в регионе Ближнего Востока.

Библиография

1. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-56.
2. Нагорна Л. П. Історична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії. Київ: ІПЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2012. 328 с.
3. Bos B.A. Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // Conserveries mémoriaelles. 2011. № 9. URL: <http://journals.openedition.org/cm/836>
4. Brandt M. Tribes and Politics in Yemen. A History of the Houthi Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2017. 466 p.
5. Bruck G. Islam, Memory, and Morality in Yemen. Ruling Families in Transition. NY: Palgrave Macmillan, 2005. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-137-11742-7>
6. Davis K.A. From Collective Memory to Nationalism: Historical Remembrance in Aden. Washington DC: Georgetown University, 2014. 115 p.
7. DeLozier E. Yemen Matrix: Allies & Adversaries // The Washington Institute for Near East Policy. 2020. 17 сентября. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/yemen-matrix-allies-adversaries>
8. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. 2002. Т. 41. № 2. С. 179-197.
9. Le Goff J. Histoire et mémoire. Paris: Gallimard, 1988. 416 p.
10. Morrison H. The Rise of the Houthis: Transforming Yemen's Political Landscape // JASON Institute for Peace and Security Studies. 2024. 23 июня. URL: <https://jasoninstitute.com/the-rise-of-the-houthis-transforming-yemens-political-landscape/>
11. Noakes L. History and memory in the 21st century // Historical Transactions. 2024. 16 января. URL: <https://blog.royalhistsoc.org/2024/01/16/history-and-memory-in-the-21st-century/>
12. Orkaby A. Beyond Paradigms: An Introduction to the Yemen Civil War // Beyond the Arab Cold War: The International History of the Yemen Civil War, 1962–1968. NY: Oxford Academic, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190618445.003.0001>
13. Orkaby A. Revolutionary Decades: Yemeni National Memory, 1962–2012 // The Middle East Journal. 2022. Т. 76. № 1. С. 29-49.
14. Šošiašvili N. T'raditsiuli sakhelmts'ipo da natsionaluri sakhelmts'ipo // The European. 2016. 26 апреля. URL: <https://european.ge/nukri-shoshiashvili-tradiciuli-da-nacionaluri-saxelmwifo/>
15. Tamm M. Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies // History Compass. 2013. Т. 11. № 6. С. 458-473.
16. The Degradation of History. Violations Committed by the Warring Parties against Yemen's Cultural Property. Mwatana Foundation, 2018. 110 p. URL: <https://www.mwatana.org/reports-en/the-degradation-of-history>
17. The Yemen Peace Forum Organizes a Panel Discussion in Mukalla on the Role of Art in Preserving Historical Memory // Sana'a Center For Strategic Studies. 2023. 23 сентября. URL: <https://sanaacenter.org/ypf/events/art-and-memory-preservation/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире на наших глазах происходит непростая, но необходимая

трансформация монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором наряду с Вашингтоном ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. На этом этапе происходит временное обострение международной обстановки, что находит отражение в расширении зон локальных военных конфликтов, увеличении масштабов вынужденной миграции и т.д. Среди регионов, где данные явления это повседневность, традиционно называют Ближний Восток.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является политика памяти Йемена. Автор ставит своими задачами "1) изучение особенностей войн памяти в Йемене, 2) выявление и уточнения состава акторов и институций вовлеченных в мемориальные конфликты, 3) анализ перспектив перетекания и трансформации конфликтов из «горячей» фазы в направлении формально более спокойной и умеренной стадии, которая условно может быть определена как «мемориальная конфронтация» или «войны памяти».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать, как "историческая память Йемена развивается в конфликтном обществе".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 17 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников отметим интернет-ресурсы йеменских организаций. Из используемых исследований отметим труды Ф. Досса, А. Дэвиса, Ж. Ле Гоффа, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения мемориальной культуры. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как политикой памяти в целом, так и Ближним Востоком, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "мемориальная культура в целом и историческая память как ее социальная и культурная производная на территории Йемена находится под угрозой уничтожения, так как материальные формы и проявления памяти и представлений о прошлом подвергаются намеренному уничтожению в рамках военного конфликта противоборствующими сторонами". В работе отмечается, что на территории Йемена "история подвергается активной манипуляции и инструментализации, что создает условия для ее превращение в относительно эффективный мобилизационный ресурс, который используется правящими политическими элитами для легитимации как их пребывания у власти, так и оправдания активных действий, направленных против их оппонентов в том числе и в условиях современных военно-политических конфликтов". Автор указывает, что "история активно используется в политических противоречиях

между государствами региона, так как национальное государство в полной степени на Ближнем Востоке не сложилось, и, поэтому, отсутствуют гражданские и политические институты, которые могли бы урегулировать конфликт".

Главным выводом статьи является то, что

"военно-политический конфликт может перейти в иную форму, представленную мемориальными войнами или войнами памяти, которые также являются конфликтом, отличаясь от имеющих место на современном этапе конфликтных ситуаций отсутствием реальных военных действий".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий политики памяти.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".